

П. С. Стефанович
НИУ ВШЭ, ИРИ РАН, Москва, Россия. pstefanovich@hse.ru

РУСЬ / РУССКАЯ ЗЕМЛЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ТЕКСТАХ КОНЦА XII – НАЧАЛА XIV В.

В статье анализируется использование понятий «русь» и «Русская земля» в текстах конца XII – начала XIV в., происходящих из древней Суздальской земли. Автор выделил те упоминания, в которых эти понятия употребляются для обозначения всей территории и всего населения под властью Рюриковичей. Он пришел к выводу, что в этих понятиях выражалась этническая идентичность населения Суздальской земли и в домонгольское время, и в эпоху владычества монголов над русью.

Ключевые слова: средневековая Русь, этничность, идентичность, Суздальская земля

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01032.

В дискуссиях об этногенезе и развитии этнического сознания в средневековой Восточной Европе центральными остаются понятие *русь* и соответствующее ему территориальное обозначение *Русская земля*. На сегодняшний день итогами исследований в русле этих дискуссий следует признать два несомненных факта. С одной стороны, ясно, что слово *русь* могло обозначать и страну (территорию), и государство, и людей (население), которые мыслились как общность, объединенная в политическом, религиозном и других отношениях [Кучкин, 2014; Мельникова]. С другой стороны, в XII – начале XIII в. внутри Русской земли, объединявшей население на всей территории под властью Рюриковичей в пределах Киевской митрополии, было около дюжины региональных земель, жители которых имели (или вполне могли иметь) некую региональную идентичность. С политическим распадом Русской земли, усилившимся после монгольского нашествия, и формированием новой политической карты в Восточной Европе в середине XIII – XIV в., региональные идентичности укреплялись и развивались.

Важной особенностью регионального деления домонгольской Руси было наличие второго смысла в понятии *русь / Русская земля*. Этим понятием обозначалась не только территория всего государства Рюриковичей, но также некоторое пространство в Среднем Поднепровье, ориентированное на центр в Киеве (какое именно пространство – об этом есть разногласия, см.: [Котляр, с. 13–55]). О соотношении этих двух смыслов и их происхождении мнения в науке разные. В украинской историографии распространено мнение, что в «узком смысле» это понятие обозначало не просто некую территорию, а собственно этническую русь¹ – «протоукраинское» население (в отличие от населения Русской земли «в широком смысле», объединенного лишь церковно и отчасти политически). Мнение восходит еще к Н. М. Костомарову, но научное обоснование оно получило в трудах М. С. Грушевского. В теории «древнерусской народности», принятой в советской историографии, акцент делался, напротив, на широком смысле понятия *русь / Русская земля*, и именно в таком смысле о руси говорили как об этносе. В свете современных подходов надо рассматривать это понятие как отражавшее этническое сознание, но допускавшее разные уровни и сценарии идентичности и разные стратегии идентификации [Стефанович].

¹ Здесь и далее слово *русь* используется со строчной буквы как обозначение народа, с прописной – страны и государства.

В данной статье ставится цель представить эволюцию смыслового наполнения понятия *русь* / *Русская земля* с конца XII до рубежа XIII–XIV вв. в Северо-Восточной Руси. Точнее исследовательский вопрос можно сформулировать так: распространялось ли это понятие на территорию и население древней Суздальской земли? В науке ясного и однозначного ответа на этот вопрос нет.

С одной стороны, в украинской историографии идея о «русьском»/«(прото)украинском» народе, жившем издавна в Среднем Поднепровье, часто увязывается с мыслью, что этноним *русь* был «присвоен» или даже «похищен» обитателями других областей под властью Рюриковичей относительно поздно, только в XIV–XV вв. В первую очередь в этом упрекались власти Московского княжества, которые стали использовать понятие *русь* / *Русская земля* как самоидентификацию для подкрепления политики «собираения русских земель» со второй половины XIV в. М. С. Грушевский на первой странице «Истории Украины-Руси» заявлял: «старее, історичне ім'я» украинского народа «Русь, Русин, руський, в часи політичного й культурного упадку було присвоєне великоросійським народом, котрого політичне й культурне жите розвинуло ся на традиціях давньої Руської держави, і великоросійські політичні організації...» [Грушевський, с. 1]. В том или ином виде эта мысль звучит в трудах современных историков (ср., например: [Балушок, с. 170–178; Яковенко, с. 103, 137–139; Plokhу, р. 10–84]). Предполагается, что в домонгольское время понимание руси «в широком смысле» было неким элитарным проектом (династическим и/или церковным), а на Северо-Востоке вплоть до возвышения Москвы эти понятия практически не употреблялись и господствовала региональная идентичность («суздальцы», «ростовцы» и т. п.).

С другой стороны, стремление историков выявить и очертить Русскую землю в «узком смысле» привело к тому, что они обращали внимание, прежде всего, на данные о такой «узкой» Руси, в том числе в источниках, происходивших с Северо-Востока. В настоящей статье подобраны сведения из этих источников именно о руси / Русской земле в «широком смысле». Некоторые из этих сведений отмечались в литературе, в том числе в важной работе Б. Н. Флоры, который пытался различить разные смыслы в понятии *русь* в текстах разного происхождения и разного времени [Флоря]. Но последовательный анализ всех доступных данных позволит уточнить и в чем-то скорректировать выводы, сформулированные Б. Н. Флорей.

Хронологические рамки статьи определяются тем, что древнейшие тексты северо-восточного происхождения (владимирские и ростовские) восходят к концу XII в., а с другой стороны, тем, что широкое использование понятия *русь* / *Русская земля* в разных смыслах в московской, тверской и новгородской литературах с середины XIV в. – факт очевидный и бесспорный. С терминологической точки зрения надо оговориться, что речь пойдет о регионе, который в современной литературе часто называют Владимиро-Суздальским княжеством, но это название не вполне точно и не восходит к древней терминологии. Оригинальными были обозначения с использованием слова *земля*, и этот регион могли называть по всем трем его важнейшим городам: Ростовская, Владимирская или Суздальская земля. Чаще других с середины XII до начала XIV в. употреблялось (также иностранцами) последнее из трех названий – Суздальская земля (см.: [Горский, 2015; Конявская, 2015]). Далее я оперирую преимущественно именно этим названием.

В период, предшествующий татаро-монгольскому нашествию, примерно в конце XII – начале XIII в., тексты, происходящие из древней Суздальской земли, свидетельствуют о наличии разных уровней территориальной самоидентификации. В Лаврентьевской летописи, в которой в части с середины XII до конца XIII в. отразилось владимирское и ростовское летописание [Лурье, 1987], помимо упоминаний руси и Русской земли в «узком» смысле, а также упо-

минаний локальных общностей («суздальцы» и т. п.), есть ряд контекстов, где *русь* понимается как вся территория под властью Рюриковичей и митрополита Киевского или как люди (народ), населяющие эту территорию. Суздальская земля подразумевается частью Русской земли, а ее жители прямо называются русью.

Некоторые из этих контекстов уже отмечались историками (см., например: [Горский, 1990, с. 33]). Наиболее известным является рассказ о том, как Всеволод Юрьевич («Большое Гнездо») отправлял на новгородское княжение своего старшего сына Константина в марте 1205 г. Владимирский летописец вложил в уста Всеволода речь, в которой подчеркивались высокий статус и Новгорода, и самого Константина: «Новъгородъ великыи старѣишинство имать княженью во всей Русьской земли», а на тебя, Константин, – обращался к сыну владимирский князь, – «Богъ положиль старѣишинство в братьи твои, но и въ всей Русьской земли»². С политической точки зрения принципиальным в этой речи является тезис о «старейшинстве» Новгорода, с обладанием которым увязывается «старейшинство» Константина «во всей Русьской земли». Летописец здесь явно тенденциозен, возвеличивая владимирского князя Всеволода и его сына и игнорируя главенство Киева. Но в данном случае важен тот факт, что и Новгород (эксплицитно), и владения самого Всеволода (имплицитно) выступают частями «всей Русьской земли», под которой имеется в виду территория под властью всех Рюриковичей.

Несколько раз в Лаврентьевской летописи в части за конец XII – начало XIII в. упоминаются «князья русские». В двух случаях под этим обозначением имелись в виду не только южнорусские князья, а однажды даже вовсе не они. Рассказ о междоусобице в 1196 г. вводится словами: дьявол «всѣ князи рускыѣ вложи на вражду». В конфликте приняли участие и киевский князь, и владими́ро-во́лынскій, и смоленские, и черниговские, и, разумеется, владими́ро-суздальскій князь, чей придворный летописец и оставил запись³. Согласно ростовскому сообщению о поставлении в сан Ростовского епископа Кирилла, состоявшемся в Киеве в 1231 г., при торжественном акте присутствовали киевский князь и «инии князи русьстии», оказавшиеся «на сонмѣ в Киевѣ». Из перечисления князей выясняется, что имелись в виду, в частности, и смоленские, и другие князья, то есть далеко не только собственно южнорусские⁴. Наконец, в записи 1239 г. о переносе тела убитого татарами князя Юрия Всеволодича из Ростова во Владимир говорится, что во Владимире князя оплакивали его братья Ярослав и Святослав «и князи русьстии»⁵. По всей видимости, это были князья Суздальской земли, потомки Всеволода Юрьевича, и они-то и были названы «русскими». Таким образом, обозначение «князья русские» во владими́ро-ро́стовском летописании относилось к князьям Рюриковичам, правившим в разных областях Русьской земли, понимаемой «в широком смысле».

К этим данным Лаврентьевской летописи примыкает одно свидетельство Летописца Переяславля Суздальского, другого памятника северо-восточного летописания, на которое обратил внимание Б. Н. Флоря [Флоря, с. 15]. В некрологе тому же Всеволоду Юрьевичу, умершему в 1212 г., переяславский книжник (писавший тогда же в 1212 г. или очень вскоре) рассматривает князя, прежде всего, как владими́ро-суздальского правителя: «И бысть плачь и рыдание велико не токмо въ Володимири единомъ, но и по всей земли Суждальской». Но в то же время говорится, что власть Всеволода распространялась и на другие области (действительно находившиеся в сфере интересов владими́рского князя): «Не токмо единой Суждальской земли заступникъ бѣ, но и всѣмъ странам земля Русьская, и Новгородской, и Муромьской» («был

² ПСРА. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 422. Здесь и далее датировки событий, часто не совпадающие с летописными обозначениями, приводятся с учетом работы [Бережков] и других исследований.

³ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 412–413.

⁴ Там же. Стб. 457.

⁵ Там же. Стб. 467.

он заступник не только одной Суздальской земли, но всем странам земли Русской, и Новгородской, и Муромской»)⁶.

В последнем утверждении летописца (приведенном с переводом) не вполне ясно упоминание «земли Русской»: рассматривает ли автор ее как определенную область *наравне* с Суздальской, Новгородской и Муромской землями, или же Русская земля – это некая обширная территория, охватывающая разные «страны», в том числе Суздальскую, Новгородскую и Муромскую. В первом случае надо думать, что имеется в виду поднепровская Русь («в узком смысле»), причем внутри нее предполагались разные регионы («все страны земля Русская»). Во втором – очевидно, речь должна была идти о Руси «в широком смысле».

Б. Н. Флоря склоняется к первой трактовке, полагая, что имелась в виду «южная Русь». В пользу этой трактовки можно привести довод, что книжник хотел подчеркнуть большое влияние Всеволода именно на Поднепровье, особенно его власть над тамошним Переяславлем (Русским), куда он посылал княжить своих сыновей. Станным, однако, выглядит тогда упоминание «всех стран земли Русской» – неясно, что это за «страны» могли быть в относительно компактной поднепровской области.

На мой взгляд, более оправдана альтернативная трактовка. Главная антитеза фразы – «не только одной Суздальской земли, но всем странам земли Русской» – имеет в виду, что Суздальская земля представляет собой одну из «стран» Русской земли, а значит, при определениях «Новгородской» и «Муромской» должно было подразумеваться то же существительное «страна». Каждая из региональных «земель» выступала одной из «стран» всеобщей Русской земли, и тем самым утверждалось главенство Всеволода именно среди всех Рюриковичей (как в ростовском рассказе об отправке Константина в Новгород в 1205 г.), хотя влияние на Новгород и Муром выделялось особо. В таком случае, правда, Суздальская «земля» выступала одной из «стран» Русской же «земли», то есть слово *земля* употреблялось в одной фразе для обозначения и одного региона, и надрегиональной общности. Но такая терминологическая неточность или непоследовательность не должна удивлять: и слово *земля*, и другие обозначения политико-географической номенклатуры домонгольской Руси (кроме *страна* также *область*, *волость*) были близки по смыслу и могли быть взаимозаменяемы в зависимости от контекста и авторских предпочтений⁷.

Все эти примеры не оставляют сомнений, что в начале XIII в. летописцы северо-восточных Владимира, Ростова и Переяславля имели ясное представление о Руси / Русской земле как общей стране, частью которой является их Суздальская земля. Но можно утверждать достаточно уверенно, что речь шла не только о территории, политических или религиозных границах и структурах, но и о народе, людях. Есть примеры в северо-восточном летописании конца XII – начала XIII в., где население Руси в «широком смысле» (включая, очевидно, и Суздальскую землю) противопоставляется другим народам – например, половцам или мордве⁸. В двух случаях прямо сказано о руси как народе с использованием древнерусского слова *язык* в значении 'народ, национальность, этнос'. Так, под 1229 г. рассказывается о мученической смерти некоего христианина в Волжской Булгарии. О нем сказано: «сь быс(ть) инога языка, не рускаг(о)». Тело убитого похоронили на христианском кладбище «русь хр(и)с(т)ьяне»⁹. Здесь не может идти речи о какой-то специфической общности, населяющей Русскую землю

⁶ ПСРА. М., 1995. Т. 41. С. 129.

⁷ См., например, в статьях «Земля» (значение 5) и «Страна» (значения 4 и 5) в Словаре древнерусского языка (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)). М., 1990. Т. 3. С. 375–376; М., 2013. Т. 10. С. 582–585).

⁸ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 395, 451.

⁹ Там же. Стб. 452. Из записи под 1230 г. о перенесении мощей мученика во Владимир (Там же. Стб. 453) выясняется, что звали его Авраамий. Память святого Авраамия Болгарского почитается в Русской православной церкви и сегодня.

«в узком смысле», а имеется в виду русь как народ («язык»), проецировать который нужно, очевидно, на Русскую землю «в широком смысле». Политического подтекста в этом известии нет; отождествления руси вообще с христианами тоже нет (выражение «русь христьяне» подразумевает, что кроме руси могли быть и другие христиане), то есть *русь* здесь и не политоним, и не конфессионим, и иначе как этноним его трудно понимать.

Второй пример происходит из известия, описывающего события вскоре после монгольского нашествия. Формально это уже не домонгольский период, но запись сделана современником нашествия в русле традиционного летописного дискурса и без терминологических новаций, обусловленных нашествием и его последствиями. Под 6751 (1243) г. сообщается о поездке владимирского князя Ярослава Всеволодича к Батыю и определении последнего статуса Ярослава среди прочих князей Руси. Летописец пишет об этом, передавая слова Батыя, обращенные к князю. Хан «реч(е) ему: Ярославе, буди ты старѣи всѣм князем в русском языке»¹⁰. Ярослав был признан главным («старейшим») князем в династии Рюриковичей с правом на древнюю столицу Руси Киев [Горский, 1996, с. 29]. В тексте нет прямого противопоставления руси другим народам и нет какого-либо религиозного контекста, и тем показательнее, что летописец использует слово *язык* – просто для обозначения «русского» народа (этноса), подвластного «всем князьям» Русской земли.

Помимо летописи о руси / Русской земле в «широком» смысле говорилось и в некоторых литературных текстах, созданных в Суздальской земле. С тем же князем Ярославом Всеволодичем было связано известное «Слово о погибели Русской земли», которое понимает Русскую землю, безусловно, в «широком смысле» (там просто очерчены географически ее соответствующие пределы). Слово сохранилось не полностью, и неясно, кто был автор и где именно он находился, когда писал текст, то есть можно ли считать Слово произведением суздальской литературной школы. Но упоминание Ярослава и его брата Юрия делает такое предположение вполне вероятным¹¹.

Без сомнений, северо-восточного происхождения другой текст – проложная статья об установлении праздника Всемилоуивого Спаса и Божией Матери 1 августа. Праздник был учрежден при Андрее Боголюбском в воспоминание победы, одержанной над волжскими булгарами в 1164 г. Статья дошла до нас в составе прологов, а также своеобразного цикла текстов вокруг чудес от иконы Владимирской Богоматери, сложившегося примерно в конце XIV – начале XV в. Само Сказание об иконе и ее чудесах было составлено до 1164 г. Если не ко времени правления Андрея, то, по крайней мере, к домонгольскому времени, по мнению Е. Л. Конявской, должна восходить статья об установлении праздника [Конявская, 2012]. В этой статье есть специальная молитва, обращенная к Спасителю, которая начинается словами: «И нынѣ тако покрыи, Вл(а)д(ы)ко, Руския земля люди твоя вся, уповающая на тя...»¹².

Очевидно, автор молитвы имел в виду всех христиан-жителей всей Русской земли (в «широком смысле») и усваивал чуду, случившемуся в княжестве Андрея Юрьевича, а также памяти о чуде общерусское значение. Как предполагает Е. Л. Конявская, автором мог быть епископ Ростовский. Действительно, культ иконы изначально конструировался при Ростовской кафедре как защитнице «Ростовской земли». Именно так об иконе говорится в Сказании о чудесах. Акцент в Сказании делается на том, что икона, перенесенная из Вышгорода во Владимир, освя-

¹⁰ Там же. Стб. 470.

¹¹ Текст датируется временем непосредственно после нашествия – около 1240 г. Сомнения в датировке высказывались, но были отведены [Горский, 1999]. В недавней работе сомнения высказываются без учета этой работы А. А. Горского и фактически без аргументации [Мусин].

¹² Кучкин В. А., Сумникова Т. А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 502.

щает новое место своего пребывания и все ее чудеса происходят в пределах княжества Андрея, обозначенного как «Ростовская земля». Таким образом, соединение статьи об установлении праздника Спаса и Богородицы 1 августа и Сказания о Владимирской иконе Божией Матери означало совмещение региональной (Ростовской/Владимирской) и надрегиональной (общерусской) перспектив. Хотя соединение этих текстов в один цикл произошло только в начале XV в., надо учитывать, что они были созданы в одну эпоху и в одной среде, то есть эти перспективы изначально сосуществовали.

Памятником суздальской школы можно считать и писания Владимирского епископа Симона, вошедшие в Киево-Печерский патерик. Как известно, Патерик начал формироваться в 1220-е гг. на основе переписки Поликарпа, монаха Киево-Печерского монастыря, и Симона, бывшего там же монахом до поставления в епископы. «Слова» Симона, частично сохранившие форму посланий к Поликарпу, о ранней истории монастыря и некоторых выдающихся его постриженниках составили первую часть Патерика. Неизвестно точное происхождение Симона, но писал он, будучи владимирским епископом, и, подчеркивая свой сан, рассматривал историю и значение Киево-Печерской обители из перспективы своего положения – главы одной из епархий Киевской митрополии. Вероятно, эта церковно-религиозная точка зрения объясняет в значительной степени тот факт, что неоднократные упоминания Симоном Русской земли, русских князей и «русских мнихов» (монахов) отсылают к «широкому пониманию» Руси¹³.

Более того, Симон употребляет выражение, которое даже шире понятия *Русская земля*, ибо имеет в виду не только территорию, но вообще людей, идентифицирующих себя как русь, – «русский мир»¹⁴. В источниках домонгольской эпохи это выражение встречается еще однажды – в «Слове на обновление Десятинной церкви», создание которого А. В. Назаренко отнес к середине XII в., предполагая в то же время для него некий прототекст, написанный в середине XI в. [Назаренко, с. 184]. И Слово, и его более древняя основа были написаны в Киеве. Текстологических переключек между сочинениями Симона и Словом нет, но смысл выражения один и тот же – имела в виду русь как особый (новый) христианский народ. У Симона речь идет о первых святых руси. Он пишет о мученичестве первого ростовского епископа Леонтия, который стал «третьим гражданином небесным» от «рускаго мира», то есть третьим святым, представляющим русь в сонме святых в вышнем Божьем Граде. Первыми двумя Симон считает двух варягов, которые были убиты в Киеве за веру, согласно рассказу Начальной летописи в статье 6491 (983) г. (этот рассказ вошел потом в русский Пролог, составленный, как сейчас считают, в середине XII в., вероятно, в Суздальской земле).

То, что варяги не были собственно русью (по крайней мере, летописный рассказ последовательно называет их именно варягами), Симона, очевидно, не смущало. Да, скорее всего, и епископ Леонтий был не из руси, а греком (как наверняка и некоторые из далее перечисленных Симоном выходцев из Киево-Печерского монастыря, занявших те или иные кафедры Киевской митрополии). Симон, конечно, это осознавал и, возможно, именно поэтому и выбрал более широкое понятие «русский мир», ориентированное не на этническое происхождение как таковое (по рождению и воспитанию), а на принадлежность к общности по проживанию, деятельности или просто по самоопределению. О самоидентификации варягов или Леонтия Симон, писавший более двух столетий после их гибели, судить не мог (как, конечно, не могут ничего сказать и современные исследователи), но он исходил из уже сложившейся на Руси традиции культурно-религиозного самосознания, значимыми элементами которой стали фигуры двух варягов и ростовского епископа. Иными словами, та парадигма «культурной памяти»

¹³ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 1, 12, 16, 21, 28, 31–32.

¹⁴ Там же. С. 21.

(по выражению Я. Ассманна), в которой мыслил Симон, позволяла причислить святых варягов и епископа к *своей* («русской») общности.

В целом, в той части Патерика, которая относится к творчеству Симона, понятие *русь / Русская земля* имеет самый широкий смысл. Это особенно заметно на фоне той части, которую можно считать плодом труда Поликарпа. Здесь есть случаи, когда о Русской земле говорится скорее в «узком смысле» как о территории, связанной с Киевом¹⁵. Очевидно, региональная перспектива у Поликарпа, находившегося в Киеве и писавшего о киевских же фигурах и событиях, могла в каких-то случаях и контекстах преобладать над общерусской. В этом нет ничего удивительного, как и в том, что в итоговом компендиуме, каковым стал Патерик, обе перспективы оказались совмещены. Такое совмещение происходило и в летописях, и в церковных сочинениях (как в цикле произведений вокруг чудес иконы Владимирской иконы Богородицы).

После монгольского нашествия из земель Руси, попавших в непосредственную зависимость от монголов, был образован со временем особый «Русский улус» в составе Орды. Хан Батый признал «старейшим» среди русских князей князя, правившего во Владимире (см. выше летописное известие 1243 г. о Ярославле). Владимирский князь был наделен некоторыми полномочиями со стороны хана по отношению к другим князьям и, прежде всего, по отношению к князьям – потомкам Всеволода «Большое Гнездо», занявшим те или иные «столы» в Суздальской земле.

Краткие и скудные данные, которыми мы располагаем по истории Северо-Восточной Руси середины XIII – начала XIV в., свидетельствуют, что изменилось и смысловое наполнение понятия *русь / Русская земля*. Лаврентьевская летопись, которая сохранила владимирское и ростовское летописание XIII в., соединенное во владимирском «своде 1305 г.», дошла до нас с существенными утратами в части после середины XIII в. Однако, опираясь на текстологическую схему древнерусского летописания и соответствующие исследования, эти утраты можно восстановить по некоторым другим летописям, прежде всего по Симеоновской летописи, отразившей через московскую и тверскую летописные традиции тот же «свод 1305 г.» [Лурье, 1976, с. 21, 42–43]. Сверяя текст Лаврентьевской летописи вплоть до 1305 г. с параллельными летописными текстами, а также обращаясь к некоторым внелетописным текстам, можно представить эти изменения понятия *русь / Русская земля* следующим образом.

О Руси / Русской земле как южной области с центром в Киеве более не говорится¹⁶. Ни в летописи, ни в иных текстах нет ни одного упоминания соответствующих слов, которое можно было бы трактовать как указание на Среднее Поднепровье. Иногда как такое указание понимается летописное сообщение о разделении власти между Александром Ярославичем («Невским») и его братом Андреем в 1249 г. по приказу монгольских властей: «Приѣха Олександръ и Андрѣи от кановичъ, и приказаша Олександрови Кыевъ и всю Русьскую землю, а Андрѣи съде в Володимери на столѣ»¹⁷. Однако трактовка этого сообщения в том смысле, что Александр получил только Киев и поднепровскую область вокруг него [Флоря, с. 17; Кучкин, 1996а, с. 27], не сочетается с другими фактами. Александр сохранил власть над Новгородом – он как был там князем, так и оставался после этого решения (очевидно, вполне легитимно)¹⁸.

¹⁵ См., например, в «Слове о Прохоре»: Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик. С. 54, 56.

¹⁶ Обозначение Переяславля на Днепре как «Русского», мелькнувшее однажды в летописи под 6777 (1269) г. (ПСРА. СПб., 1913. Т. 18. С. 73), нельзя считать свидетельством того, что «еще и во второй половине XIII в. термин “Русь” мог пережиточно использоваться в узком значении» [Флоря, с. 17]. Обозначение города (топоним) могло сохраняться в прежнем виде, в то время как территориально-географическая реальность, давшая название, уже ушла в прошлое, и обозначение не имело никакого отношения к реальности.

¹⁷ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 472.

¹⁸ В записи о поездке Александра в Орду в начале 1252 г. он прямо назван «Олександр князь новгородский» (ПСРА. Т. 1. Стб. 473).

Вероятно, князь сохранял власть и над доставшимся ему от отца Тверским княжеством. Смысл решения монгольских властей был, видимо, в том, что Александр формально признавался старейшим князем на Руси, как и его отец Ярослав, с правом на владение Киевом, но фактически его власть ограничивалась: с одной стороны, тем, что Киевская земля не могла дать князю реальных ресурсов, она была разорена, обезлюдела и контролировалась татарскими баскаками, а с другой стороны, тем, что Владимирское великое княжение передавалось его младшему брату¹⁹. «Вся Русская земля» в данном случае – это номинально (теоретически) вся область проживания руси, а на практике – территория «русского улуса», который монголы могли контролировать через посредство русских князей.

«Широкое» понимание Русской земли, проявившееся в этом известии о разделении власти между Александром и Андреем, обнаруживается и в других разного рода упоминаниях и выражениях. Так, в летописи сохраняется, как и в части повествования до монгольского нашествия, характеристика жителей разных русских земель как *руси* в противопоставлении их другим народам. Под 6773 (1265) г. в Симеоновской летописи сообщается о смерти хана Берке (в Лаврентьевской здесь лакуна). К сообщению читается комментарий: «и бысть ослаба руси отъ насилаа бесермень»²⁰. В так называемом рассказе о слободах Ахмата (события происходили в 1289–1290 гг.), который сохранился в Лаврентьевской частично, но реконструируется по Симеоновской и другим летописям [Кучкин, 1996б], несколько раз русь противопоставляется тоже «бесерменам»²¹. В рассказе идет речь о курских князьях черниговского дома. Название «бесермены» имело религиозно-конфессиональный смысл, но имелись в виду именно монголы.

В некоторых текстах о Русской земле говорится в обобщенном плане в контексте воспоминаний о татаро-монгольском нашествии. Например, такое упоминание находим в сообщении о смерти ростовского князя Глеба Васильковича под 6786 (1278) г.: «... по нахождении поганыхъ татаръ и по плѣнении отъ нихъ Русскыа земля...»²². В ростовской (проложной) редакции Жития Михаила Черниговского (создана между 1271 и 1277 гг. [Кучкин, 1990, с. 27]) в таком же духе автор говорит о Русской земле в начале рассказа, вспоминая о нашествии: «... егда же бысть нахождение иноплеменникъ на землю Русьскую гнѣвом Божиимъ...»²³.

Неудивительно, что в «широком» смысле Русская земля выступает в записи о поставлении нового митрополита: «Въ лѣто 6791 поставленъ бысть пресвященныи архиепископъ Максимъ Гречинъ митрополитомъ на всю Русскую землю»²⁴.

Отчасти в связи с этим «широким» пониманием руси / Руси владимирско-ростовские летописные записи второй половины XIII в. несколько раз используют выражение «русские князья». Это выражение встречалось и в «домонгольской» части Лаврентьевской летописи, как говорилось выше, и оно употреблялось по отношению к разным князьям. Видимо, смысл его был именно в том, чтобы отметить принадлежность князей к общей династии Рюриковичей, вне зависимости от того, какая именно группа князей имела в виду в том или ином конкретном случае. В таком духе «русских князей» упоминает летопись и в послемонгольское время. Однако из-за сужения кругозора летописцев, редко выходящих за пределы происходившего в Суздальской земле, в некоторых упоминаниях понимаются только князья этой земли. Тем самым изначально «широкий» смысл определения «русские» в этом выражении сжимал-

¹⁹ Типичный пример монгольской политики «разделяй и властвуй» [Горский, 1996, с. 29].

²⁰ ПСРА. Т. 18. С. 72. Известие читалось в Троицкой летописи, как следует из выписок Н. М. Карамзина.

²¹ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 481–482; Т. 18. С. 80–81.

²² ПСРА. Т. 18. С. 76.

²³ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Ч. 2. Тексты. С. 50.

²⁴ ПСРА. Т. 18. С. 79.

ся как бы сам собой. В каких-то примерах это более очевидно, в каких-то менее, но общая тенденция такого смыслового сужения просматривается.

В записях Симеоновской летописи с 1250-х гг. до начала XIV в. «русские князья» упоминаются четыре раза. Впервые – в небольшом поучении, помещенном в летописной статье 6778 (1270) г. с рассказом о казни в Орде рязанского князя Романа Ольговича. Мученическая смерть Романа служит летописцу примером для князей, к которым он обращается: «о възлюбленнии князи рускии, не прелщайтеся пустошноу и прелестною славою свѣта сего...» и т. д.²⁵ Обращение «князи русские» можно трактовать как обращение ко всем Рюриковичам, хотя, наверное, для владимирского летописца целевой аудиторией были именно владими́ро-суздальские князья. В поучении специально подчеркнута родственная связь «блаженного князя» Романа и его «сродника» князя-мученика, первым принявшего «страсть» в Орде, – Михаила Черниговского. Рязанский князь, черниговский, владими́ро-суздальские – это всё были «князи русские».

Под 6783 (1275) г. говорится: «ходиша татарове и русстии князи на литву»²⁶. Князья, участвовавшие в походе, были не только владими́ро-суздальские, но и галицкие, и черниговского дома. Зато в сообщении о походе хана Менгу-Тимура на Кавказ в 1277 г. «русскими князьями» названы владими́ро-суздальские князья, принимавшие участие в походе²⁷. В этом же сообщении говорится о смерти в Орде ростовского князя Бориса Васильковича и сказано: княгиня его, «вземши тѣло князя своего... повезе на Русь, и привезе въ Ростовъ». Русь противопоставляется «татарам», и конкретным местом Руси указан северо-восточный Ростов.

Наконец, в рассказе об очередной «рати татарской» в 1297 г. сообщается о собрании владими́ро-суздальских князей во Владимире: «бысть съѣздъ всѣмъ княземъ русскимъ въ Володимери»²⁸. Характерно здесь появление местоимения «все» по отношению к относительно узкому кругу князей только одной ветви Рюриковичей. Тенденция смыслового сужения выражения «русские князья» приводит к логическому итогу: «по точному смыслу источника», как выразился Б. Н. Флоря, получалось, что «все русские князья» – это только владими́ро-суздальские [Флоря, с. 18].

В соответствии с этой тенденцией перерождается и само понятие *русь / Русская земля*. В летописи находим пример, когда Русской землей назван один только регион, но только это теперь совсем не южная поднепровская область, а сам северо-восточный регион с центром во Владимире, где жили и писали летописцы. В таком смысле о Русской земле говорится в рассказе о «Дюденовой рати» – походе хана Тудана (Дюдены) на Северо-Восточную Русь в 1293 г., вызванном соперничеством сыновей Александра Невского Дмитрия и Андрея. В Лаврентьевской летописи большая часть рассказа не читается, но конец очень близок тому тексту, который сохранился в Симеоновской, – очевидно, как и в случае с повестью об Ахматовых слободах, рассказ читался в общем протографе летописей²⁹. Запись о «рати» была сделана, видимо, во Владимире по горячим следам (хотя, похоже, рассказ был дополнен составителем «свода 1305 г.»).

В начале рассказа дважды говорится о Русской земле. Один раз в первой фразе годовой статьи: «бысть въ Русской земли Дюденева рать на великаго князя Дмитрея Александровича», потом еще раз в вводной фразе подробного описания татарского набега: «Скажемъ же, каково

²⁵ Там же. С. 73. Текст читался и в Троицкой летописи.

²⁶ Там же. С. 74.

²⁷ Там же. С. 75.

²⁸ Там же. С. 83.

²⁹ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 483; Т. 18. С. 82–83. В Лаврентьевской летописи рассказ был, видимо, под ультрамартовским 6802 г., а в Симеоновской – под мартовским 6801 г. [Бережков, с. 116–117].

зло учинися въ Русской землѣ». Благодаря приведенному далее списку городов, подвергшихся разорению, можно точно сказать, что имел в виду летописец под Русской землей. Сказано, что всего «взяша» татары 14 городов, из них перечислены 10 городов Суздальской земли, а также Муром. Перечисление городов и ход событий, изложенные в Симеоновской летописи, подтверждаются сообщениями и в других летописях, ряд которых также упоминают о Русской земле как пострадавшей от «рати»³⁰.

В данном случае под Русской землей владимирский летописец конца XIII в. подразумевал, прежде всего, собственно Суздальскую землю (Великое княжество Владимирское). Не указанные в списке три города наверняка были тоже владими́ро-суздальскими. Обращает на себя внимание упоминание Мурома. Хотя фактически муромские князья со времен Всеволода Юрьевича находились в зависимости от владимирских князей, все-таки Муром был центром отдельной земли³¹. Особость Мурома осознавал, видимо, и летописец. Во всяком случае, указывая на бегство великого князя Дмитрия и горожан из Переяславля перед лицом татарской угрозы, он замечает: «И тако замятеса вся земля Суждальская». Очевидно, он называл Суздальской землей традиционно область владения потомков Всеволода Юрьевича «Большое Гнездо», но, имея в виду, что «рать» захватила и Муром, он употребил понятие Русской земли как более широкое. Таким образом, здесь Русская земля – область северо-восточная; хотя она не вполне совпадала с Суздальской землей, это была совсем не Русская земля в «широком смысле», о которой писали летописцы ранее.

Эти новые явления в понятии *русь / Русская земля*, которые обнаруживаются во владимирском «своде 1305 г.», позднее в текстах Северо-Восточной Руси укрепляются и получают более ясное развитие. О Русской земле как южной поднепровской области речи нет. Тем не менее двусмысленность этого понятия сохраняется в литературе XIV–XV вв.: в каких-то контекстах о Руси говорили максимально широко, имея в виду вообще то население, которое называло себя русью, неважно, под какой властью оно оказалось, но основным употреблением этого названия становится такое, которое отсылало к той территории «Русского улуса», где господствовали потомки Всеволода «Большое Гнездо». Вместе с тем между обоими смыслами сохранялась связь, во многом потому, что само понятие Русской земли имело не чисто политический или географический смысл. Оно было важным элементом культурной памяти, формировавшейся на территориях, тяготевших к древней Суздальской (Ростовской) земле, и вокруг него постепенно выростал «миф Русской земли», по выражению Чарльза Гальперина (Charles Halperin). Американский исследователь считает этот «миф» элитарно-политической конструкцией и относит начало его функционирования на Северо-Востоке только к середине XIV в.³² Однако данные, приведенные в настоящей статье, заставляют понимать этот «миф» гораздо шире – это было некое идеализированное представление об общей стране (родине)

³⁰ Особенно характерно в Московской академической летописи, где сообщение о Дюденевой рати явно древнего ростовского происхождения. Там тоже сказано именно о Русской земле: «много зла створиша в Русской земле» (ПСРЛ. А., 1928. Т. 1. Вып. 3. Стб. 527).

³¹ Ср. упоминание Муромской земли под 6765 (1257) г.: Там же. Стб. 475.

³² О «мифе Русской земли» Ч. Гальперин писал в статьях с середины 1970-х гг. (см., например: [Halperin, 1975]). Недавно ряд этих статей он обобщил в книге, использующей в самом заглавии это выражение [Halperin, 2022] (она стала мне доступной, когда данная статья была уже подготовлена к печати). На мой взгляд, это обобщение, охватывающее период с X–XI до XVII в., не получилось удачным, в нем преобладают схематизм и конструктивизм. Ч. Гальперин, не предпринимая анализа источников XII–XIII вв., фактически принял тезис украинской историографии о «присвоении» имени русь в Москве в середине XIV в. (только «красиво» говорит о том же самом как о *translatio* «мифа Русской земли»). Главное, что вызывает удивление и ставит под вопрос заключение автора о смыслах и эволюции понятия Русская земля, – это то, что он чисто искусственно отделил это понятие от понятия русь, которое в территориальном смысле выступало просто синонимом первого, но в любом случае было тесно связано с ним семантически (как видно хотя бы даже из приведенных в данной статье примеров). Естественно, комплексный исторический (а не механистический и поверхностный) подход к теме требует учитывать и такие обозначения, как, например, выше упоминавшееся «русский мир».

для тех, кто называл себя русью. И датировать появление такого представления надо временем гораздо более ранним – еще домонгольской эпохой.

Идеализация понятия *Русская земля* просматривается в молитве, написанной в связи с установлением праздника 1 августа, где «люди Руския земля» представлены христианским сообществом, уповающим на Божью помощь в борьбе с соседями-иноверцами. Как об особой религиозной общности, имеющей своих предстателей в Граде Небесном, писал о «русском мире» Владимирский епископ Симон. Это были тексты, написанные в Суздальской земле еще в домонгольское время и подразумевавшие ее жителей частью Руси, понятой в «широком смысле».

В церковных текстах, естественно, акцентировалась религиозная общность населения Руси, но в летописных сообщениях (владимирского или ростовского происхождения) говорилось о руси, Русской земле или «русских князьях» в светском контексте. Неудивительно, что в этих сообщениях на первый план выступали политико-династические аспекты общности, поскольку летопись писалась, прежде всего, как политическая история. Но противопоставление руси другим народам или упоминание «русского языка» в смысле ‘народ руси’ свидетельствует, что *русь / Русская земля* понималась не только как политическая общность, но и как лингвистическая и историко-культурная. Можно спорить, было ли «элитарным проектом» то понимание руси, которое отразилось во всех этих текстах, но нельзя спорить, что, по крайней мере, для какой-то части (и, видимо, все-таки немалой) населения Суздальской земли понятие *русь / Русская земля* выражало их идентичность. На мой взгляд, эту идентичность вполне можно считать этнической.

В любом случае, данное исследование показывает, что понятие *русь / Русская земля* в текстах XII – начала XIV в., происходивших из Суздальской земли, нередко и в само собой разумеющемся порядке использовалось в «широком смысле» как самоназвание. Иностранные источники свидетельствуют, что и внешние наблюдатели воспринимали *русь* как название для всей территории и для всего населения под властью Рюриковичей, хотя могли выделять в составе Руси отдельные регионы (земли). Например, такой информированный и внимательный наблюдатель, как Плано Карпини, лично побывавший в Восточной Европе вскоре после Батыева нашествия на Русь (в 1245–1247 гг.), писал о руси/Руси в своих записках только в таком «широком» смысле³³. И Даниил, князь галицко-волинский, и Ярослав, князь владимирский (с обоими он лично виделся), и Михаил Черниговский, и другие князья – это всё для него «русские князья» («*duces Ruscie*»). Плано Карпини выделяет Суздальскую землю как особый регион, но в составе Руси («*terram Soldanensem in Ruscia*»)³⁴. Сопоставление древнерусских текстов, рассмотренных в статье, и сочинения Плано Карпини ведет к выводу, что наименования *русь* и *Русская земля* были эндо- и экзоэтнонимами для населения Суздальской земли в XIII в.

Тезис о «присвоении» имени *русь* на Северо-Востоке, якобы начавшемся в эпоху возвышения Москвы, следует признать неправомерным. Древнейшие сохранившиеся тексты, происходящие из Суздальской земли (с конца XII в.), содержат упоминания понятия *русь / Русская земля* и в «узком», и в «широком» смыслах. После Батыева нашествия и с образованием Орды самоидентификация владимирских и ростовских книжников с русью интенсифицируется. «Узкое» понимание руси / Русской земли как поднепровской области исчезло, а «широкое» осталось. В то же время русью / Русской землей книжники стали иногда называть только «свою» область (откуда они смотрели на окружающий мир), то есть территории в составе Великого княжества Владимирского и тяготевшие к нему (как Муромская земля). Тем самым образо-

³³ Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Текст, перевод, комментарии / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М., 2022. С. 42–43 и далее (см. по указателю).

³⁴ Там же. С. 125.

вался как бы новый «узкий» смысл понятия (который, однако, как и прежний, коррелировал с «широким» в политико-династическом аспекте). Это явление не может быть связано с политикой «собираания русских земель» (нацеленной, наоборот, на расширение понятия *русь* и обозначившейся позднее). Причины, очевидно, прежде всего в упадке южной поднепровской области и образовании «Русского улуса» с центром во Владимире; также сыграли свою роль факторы общего порядка – разобщение разных регионов Руси («земель») и усиление этнического самосознания в условиях противостояния чуждой иноземной и иноверной власти.

Литература

- Балушок В. Г. Українська етнічна спільнота: етногенез, історія, етнімія. Біла Церква, 2008. 302 с.
- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
- Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли»: К 750-летию со времени написания // ТОДРА. СПб., 1990. Т. 43. С. 18–38.
- Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. 126, [2] с.
- Горский А. А. К вопросу о датировке «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРА. СПб., 1999. Т. 51. С. 313–320.
- Горский А. А. Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII–XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию упоминания Суздаля в летописях. Владимир, 2015. С. 27–32.
- Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1991 (репринт 3-го издания: Київ, 1913). Т. 1. 648 с.
- Конявская Е. А. К истории сложения проложной статьи на 1 августа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 5–14.
- Конявская Е. А. Суздальская земля от Юрия Долгорукого до Александра Невского (по ранним письменным источникам) // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию упоминания Суздаля в летописях. Владимир, 2015. С. 33–42.
- Котляр М. Ф. Духовний світ літописання. Київ, 2011. 338 с.
- Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. М., 1990. Вып. 1. С. 15–69.
- Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33. [Кучкин, 1996а]
- Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 5–57. [Кучкин, 1996б]
- Кучкин В. А. Русская земля // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 697–698.
- Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. 283 с.
- Лурье Я. С. Летопись Лаврентьевская // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 241–245.
- Мельникова Е. А. Русь // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 700–701.
- Мусин А. [Е.] «Погибель земли Русьской». Средневековый словарь и его прочтения: к эволюции этнополитических представлений в Восточной Европе XII–XVI вв. // Colloquia Russica. Series II. Івано-Франківськ; Краків, 2018. Vol. 4. Середньовічна Русь: проблеми термінології. С. 93–148.
- Назаренко А. В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013. 223 с.
- Стефанович П. С. Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. М., 2018. С. 467–486.
- Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 10–37.
- Яковенко Н. [Н.] Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М., 2012. 763, [1] с.
- Halperin Ch. The Concept of the Russian Land from the Ninth to the Fourteenth Centuries // Russian History. 1975. Vol. 2. No. 1. P. 29–38.
- Halperin Ch. The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land. Leeds etc., 2022. 124 p.

Plokhy S. *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge, NY etc., 2006. 379 p.

References

- Balushok, V. G. *Ukrains'ka etnichna spil'nota: etnogenez, istoriya, etnonimiya* [Ukrainian Ethnic Community: Ethnogenesis, History, Ethnonymy]. Bila Tserkva, 2008. 302 p.
- Berezhkov, N. G. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of the Russian Chronicles]. Moscow, 1963. 376 p.
- Florya, B. N. *Istoricheskie sud'by Rusi i etnicheskoe samosoznanie vostochnykh slavyan v XII–XV vekakh (k voprosu o zarozhdenii vostochnoslavianskikh narodnostei)* [The Historical Fate of Rus and the Ethnic Identity of the Eastern Slavs in the 12th – 15th Centuries (On the Question of the Origin of the East Slavic Nationalities)]. In *Etnicheskoe samosoznanie slavyan v XV stoletii*. Moscow, 1995. Pp. 10–37.
- Gorskii, A. A. *Problemy izucheniya "Slova o pogibeli Ruskyya zemli": K 750-letiyu so vremeni napisaniya* [Problems of Studying the "Word about the Destruction of the Russian Land": To the 750th Anniversary of the Time of Writing]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 1990. Vol. 43. Pp. 18–38.
- Gorskii, A. A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh. Puti politicheskogo razvitiya* [Russian Lands in the 13th – 14th Centuries. Ways of Political Development]. Moscow, 1996. 126, [2] p.
- Gorskii, A. A. *K voprosu o datirovke "Slova o pogibeli Ruskyya zemli"* [Towards Dating "Words about the Destruction of the Russian Land"]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 1999. Vol. 51. Pp. 313–320.
- Gorskii, A. A. *Ponyatie "suzdal'skii" v politicheskom leksikone XII–XIV vekov* [The Concept of "Suzdalsky" in the Political Lexicon of the 12th – 14th Centuries]. In *Na poroge tysyacheletiya: Suzdal' v istorii i kul'ture Rossii. K 990-letiyu upominaniya Suzdalya v letopisyakh*. Vladimir, 2015. Pp. 27–32.
- Grushevs'kii, M. S. *Istoriya Ukraini-Rusi* [History of Ukraine-Rus]. Kiev, 1991 (reprint of the 3rd ed.: Kiev, 1913). Vol. 1. 648 p.
- Halperin, Ch. *The Concept of the Russian Land from the Ninth to the Fourteenth Centuries*. In *Russian History*. 1975. Vol. 2. No. 1. Pp. 29–38.
- Halperin, Ch. *The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land*. Leeds etc., 2022. 124 p.
- Konyavskaya, E. L. *K istorii slozheniya prolozhnoi stat'i na 1 avgusta* [On the History of Forming of the Sinaxarion Reading on August 1]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2012. No. 1 (47). Pp. 5–14.
- Konyavskaya, E. L. *Suzdal'skaya zemlya ot Yuriya Dolgorukogo do Aleksandra Nevskogo (po rannim pis'mennym istochnikam)* [Suzdal Land from Yuri Dolgoruky to Alexander Nevsky (According to Early Written Sources)]. In *Na poroge tysyacheletiya: Suzdal' v istorii i kul'ture Rossii. K 990-letiyu upominaniya Suzdalya v letopisyakh*. Vladimir, 2015. Pp. 33–42.
- Kotlyar, M. F. *Dukhovnii svit litopisannya* [Spiritual World of Chronicles]. Kiev, 2011. 338 p.
- Kuchkin, V. A. *Mongolo-tatarskoe igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII – pervaya chetvert' XIV v.)* [The Mongol-Tatar Yoke in the Coverage of Old Russian Scribes (13th – the First Quarter of the 14th Century)]. In *Russkaya kul'tura v usloviyakh inozemnykh nashestvii i voin*. Moscow, 1990. Issue 1. Pp. 15–69.
- Kuchkin, V. A. *Aleksandr Nevskii – gosudarstvennyi deyatel' i polkovodets srednevekovoi Rusi* [Alexander Nevsky is a Statesman and Commander of Medieval Rus]. In *Otechestvennaya istoriya*. 1996. No. 5. Pp. 18–33. [Kuchkin, 1996a]
- Kuchkin, V. A. *Letopisnye rasskazy o slobodakh baskaka Akhmata* [Chronicle Stories about the Settlements of Baskak Akhmat]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 1996. Issue 1. Pp. 5–57. [Kuchkin, 1996b]
- Kuchkin, V. A. *Russkaya zemlya* [Russian Land]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. Pp. 697–698.
- Lur'e, Ya. S. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv.* [All-Russian Chronicles of the 14th – 15th Centuries]. Leningrad, 1976. 283 p.
- Lur'e, Ya. S. *Letopis' Lavrent'evskaya* [The Laurentian Chronicle]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1987. Issue 1. Pp. 241–245.
- Mel'nikova, E. A. *Rus'* [Rus]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. Pp. 700–701.

Musin, A. [E.] “Pogibel’ zemli Rus’koi”. Srednevekovi slovar’ i ego prochtieniya: k evolyutsii etnopoliticheskikh predstavlenii v Vostochnoi Evrope XII–XVI vv. [“The Destruction of the Russian Land”. Medieval Dictionary and Its Readings: On the Evolution of Ethnopolitical Ideas in Eastern Europe of the 12th – 16th Centuries]. In *Colloquia Russica. Series II*. Ivano-Frankovsk; Krakov, 2018. Issue 4. Seredn’ovichna Rus’: problemi terminologii. Pp. 93–148.

Nazarenko, A. V. “Slovo na obnovlenie Desyatinoi tserkvi”, ili K istorii pochitaniya svyatitelya Klimenta Rimskogo v Drevnei Rusi [“The Word for the Renewal of the Desyatinnaya Church”, or To the History of the Veneration of St. Clement of Rome in Old Rus]. Moscow; Brussels, 2013. 223 p.

Plokhy, S. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, NY etc., 2006. 379 p.

Stefanovich, P. S. Novye podkhody k etnichnosti v medievistike: vzglyad iz “drevnerusskoi perspektivy” [New Approaches to Ethnicity in Medieval Studies: A View from the “Old Russian Perspective”]. In *Istoricheskaya pamyat’ i rossiiskaya identichnost’*. Moscow, 2018. Pp. 467–486.

Yakovenko, N. [N.] Oчерk istorii Ukrainy v Srednie veka i rannee Novoe vremya [An Essay on the History of Ukraine in the Middle Ages and Early Modern Times]. Moscow, 2012. 763, [1] p.

Petr S. Stefanovich

*National Research University Higher School of Economics,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

RUS / RUSSKAYA ZEMLYA IN THE NORTH-EASTERN TEXTS
OF THE LATE 12th – EARLY 14th CENTURIES

The author of the article analyzes the use of the concepts “Rus” and “Russian land” in the texts of the late 12th – early 14th centuries, originating from the ancient Suzdal land. The author singled out those references in which these concepts are used to designate the entire territory and the entire population under the rule of the Rurikids. He came to the conclusion that these concepts expressed the ethnic identity of the population of the Suzdal land both in the pre-Mongol epoch and in the time of Mongols’ dominion over Rus.

Keywords: medieval Rus, ethnicity, identity, Suzdal land